



**Алексей Михайлович
ОСАВЕЛЮК,**

доктор юридических
наук, профессор,
профессор кафедры
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
kkmp@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

МОНАРХ — ГЛАВА ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье на основе анализа нормативного материала и научных исследований показаны основные отличительные черты правового статуса монарха как главы государства. Проанализированы понятия верховенства и неограниченности власти монарха, его полномочия в отношении других органов государственной власти и взаимодействие с ними.

Ключевые слова: монарх, глава государства, форма правления, самодержавие, абсолютизм, верховенство власти, неограниченность власти, престолонаследие.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.46.6.024-033

A. M. OSAVELIYUK,

Doctor of Law, Professor, Professor of Department
of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

kkmp@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

MONARCH AS A HEAD OF STATE

Abstract. The article shows the main distinctive features of the legal status of the monarch as the head of state on the basis of the analysis of normative material and scientific research. The concepts of supremacy and unlimited power of the monarch, his powers in relation to other public authorities and interaction with them are analyzed.

Keywords: monarch, head of state, form of government, autocracy, absolutism, supremacy of power, unlimited power, succession to throne.

Несмотря на то что многие видные общественные деятели и ученые-конституционалисты отказывают монархии в праве на место под солнцем¹, эта форма правления не только сохраняет свои позиции в мире, но и во многих

¹ Например, Д. С. Мережковский называл монархию «невежеством прошлых веков» (*Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. М. : ОГИ, 1999. Т. 4. С. 112*); Л. Н. Толстой — отжившей «формой правления, могущей соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке» (*Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 томах. М., 1984. Т. 20. С. 502—508*); А. А. Мишин утверждал, что «с точки зрения до конца понятого и последовательного буржуазного демократизма институт главы государства не имеет

случаях демонстрирует свою активность. По крайней мере, в настоящее время эта форма правления сохраняется в 70 государствах мира. В том числе в таких влиятельных, как Япония, Великобритания, Канада, Нидерланды, Швеция и др.

Неслучайно поэтому многочисленные отечественные и зарубежные авторы посвящают монархам специальные монографические исследования² или главы в монографиях и учебниках³.

Например, академик О. Е. Кутафин, подчеркивая роль и место императора Российской империи, отмечал, что одним из оснований применения им права вето в отношении принятых Госдумой законов была попытка парламента урегулировать вопросы, которые относились к исключительному и единоличному решению императором. «Так, в апреле 1909 г. не был утвержден проект штатов Морского генерального штаба. Мотивом к отказу утвердить этот законопроект служило мнение, что этот проект вторгнулся в область дел, подлежащих разрешению только императором, причем единолично.

26 мая 1911 г. не был утвержден проект закона об изменении постановлений о правоограничении лиц, сложивших с себя духовный сан или лишенных его. Надо сказать, что император отверг этот законопроект без какой-либо официальной мотивировки.

Во многих странах в то время устанавливался определенный срок, в течение которого монарх может дать законопроекту свою санкцию. В России этот вопрос прямым указанием закона не решался. Однако из ст. 7 Основных законов (принятых императором единолично. — А. О.), требующей единения государя с народным представительством, следовало, что утверждение государем законопроекта, принятого Думой одного состава, становилось невозможным после избрания Думы нового состава⁴. Но указанная «невозможность» вызвана не тем обстоятельством, что у него нет «права», а потому, что Основные законы не предусматривали континуитета полномочий Думы. И если государь не санкционировал законопроект до окончания срока ее полномочий, то считалось, что он как бы и не принимался.

никаких разумных оснований для своего существования» (*Мишин А. А.* Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. М., 1976. С. 246).

² См.: *Ильин И. А.* О монархии и республике. Нью-Йорк : Содружество, 1979 ; *Остапенко Г. С.* Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II. М. : Наука, 2006 ; *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М. : Облиздат-Алир, 1998 ; *The monarchy and the British nation, 1780 to the present / ed. by Andrzej Olechnowicz.* Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007.

³ Например: *Кутафин О. Е.* Глава государства. М. : Проспект, 2012. С. 47—196 ; Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник для вузов. Общая часть. 4-е изд. / рук. авт. колл. и отв. ред. Б. А. Страшун. М. : Норма, 2008. С. 687—719 ; *Осавелюк А. М.* Конституционное право зарубежных стран : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2012. С. 153—185.

⁴ *Кутафин О. Е.* Указ. соч. С. 144—145.



Монарх — это глава государства (император, царь, шах, король), который замещает эту должность, как правило, пожизненно и передает ее по наследству. Его власть считается производной ни от воли его подданных, ни от воли какого-либо государственного органа или должностного лица. Наоборот, он считается источником всей власти в государстве.

Хотя и редко, но встречаются случаи, когда одно и то же лицо является монархическим главой нескольких государств. Это так называемая личная уния. В наше время своеобразным ее примером служит тот факт, что королева Великобритании считается одновременно главой государства в ряде стран, бывших некогда британскими колониями и сохраняющих статус доминиона. С 1931 г. доминионы стали суверенными государствами, признающими главой государства британского монарха.

Как известно, Великобритания и большинство ее бывших колоний образуют Содружество (Commonwealth), именовавшееся ранее Британским содружеством наций, затем просто Содружеством наций. Сначала все государства Содружества признавали британскую королеву своим главой государства. Но когда в 1950 г. Индия стала республикой и ее примеру последовал ряд других членов Содружества, эти государства, избравшие своих президентов, стали признавать британскую королеву лишь главой Содружества. Ныне из 49 стран Содружества она является главой государства в 17, к числу которых принадлежат такие влиятельные государства, как Канада, Австралия, Новая Зеландия. В каждом из этих государств британская королева назначает по рекомендации правительства соответствующего государства своего представителя — генерал-губернатора, который и осуществляет полномочия главы государства по упомянутой Вестминстерской модели. Эти государства часто имеют писанные конституции, определяющие статус генерал-губернатора.

Еще одной особенностью правового статуса монарха — главы государства, как об этом пишет Е. А. Осавелюк, является то, что он способен возвышаться над остальными органами государства, а в современных государствах, конституции которых закрепляют принцип разделения властей, — над органами законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти⁵, т.е. обладает верховенством. Более того, сложившаяся в России в течение столетий самодержавная монархия характеризовалась верховным положением монарха⁶. Анализируя это конституционное положение, П. Е. Казанский отмечал, что термин «верховный» употреблялся нашими законами для обозначения особого свойства именно императорской власти. Все проявления ее носят названия «верховных». Так, то государственное управление, в котором император действует непосредственно,

⁵ Подробнее см.: Осавелюк А. М., Осавелюк Е. А. Президент в конституционном механизме власти в Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. 2013. № 2 ; *Они же*. Об особенностях правового статуса Президента России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 54—58 ; *Они же*. Верховенство органов государственной власти: понятие и формы (на примере России) // Европейское измерение — 2015 : сб. научных трудов / под общ. ред. С. Н. Бабурина и З. А. Станкевича. М. : Книжный мир, Европейский институт JUSTO, 2016. С. 361—381.

⁶ См.: Осавелюк А. М., Осавелюк Е. А. Верховенство органов государственной власти. С. 363—366.

носит название верховного. Верховный характер отличает его от управления подчиненного, которое распадается на низшее и высшее⁷.

Следовательно, верховная власть от всех других властей в государстве отличается определенными характерными признаками. Например, как следует из Основных законов Российской империи, такая власть отличается *верховенством* над всеми остальными властями и *неограниченностью*. Так, ст. 10 Основных государственных законов устанавливала: «Власть управления во всем ее объеме принадлежит государю императору в пределах всего государства Российского. В управлении верховном власть его действует непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим его именем и по его повелениям»⁸.

При этом взаимосвязанные и дополняющие друг друга понятия верховенства и неограниченности существенно отличаются. «Если верховенство понимается как власть, стоящая над правом и над подзаконным управлением, — отмечал П. Е. Казанский, — то неограниченность есть отрицание всяких возможностей, при которых эта власть могла бы оказаться ниже какой-либо другой или хотя бы на одной плоскости с какой-либо другой, а в результате этого подправной. Неограниченность есть действительно только отрицательное выражение верховенства»⁹. Одним из юридических проявлений подобной надправности и неограниченности верховной власти является принадлежащее ей конституционное право помилования, подписания или отклонения принятых парламентом законов, формирования других органов государственной власти и прекращения их полномочий.

Другой автор, анализируя указанные понятия, подчеркивает, что «монарх неограничен в праве издания, изменения и отмены законов, но самоограничен в обязанности подчиняться этому закону, пока не пришло время его изменения или отмены. Законы для верховной власти имеют, таким образом, лишь нравственное значение. Как только нравственная правда закона перестает работать, как только закон перестает обеспечивать поддержание правды в обществе, верховная власть теряет необходимость самоограничиваться в отношении такого закона и либо изменяет, либо отменяет его вовсе»¹⁰.

Известный современный политический деятель Японии, раскрывая содержательную часть верховенства власти монарха, отмечает, что занимая такое высокое место в государственной иерархии, он не должен заниматься вопросами повседневного управления делами государства, т.е. непосредственным (конкретным) управлением. Как образно охарактеризовал такое положение японского императора Я. Накасонэ, император — «лицо, стоящее над всеми. Его не касаются бытовые дразги. Вернее, этого нельзя допускать»¹¹.

⁷ Казанский П. Е. Власть всероссийского императора. М., 1999. С. 225.

⁸ Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1994. Т. 9. С. 45.

⁹ Казанский П. Е. Указ. соч. С. 306.

¹⁰ Захаров Н. А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 26.

¹¹ Накасонэ Я. Политика и жизнь. Мои мемуары : пер. с японск. М. : Прогресс, Универс, 1994. С. 291.

Этот же автор описывает волнение высших правительственных кругов Японии, которые впервые за многовековую историю не смогли предложить императору для санкционирования проект готового решения. Они предложили ему самому выбрать между продолжением войны и капитуляцией. Другими словами, можно сказать, что верховная власть в конечном итоге сводится к праву монарха санкционировать решение, подготовленное для него исполнительной властью, выбравшей из множества вариантов наиболее приемлемый и обоснованный.

Конкретным повседневным управлением должны заниматься другие органы государственной власти, в отношении каждого из которых у него как у «верховного правителя», «координирующего начала» имеются специальные полномочия. Пользоваться этими полномочиями глава государства может только в том случае, когда орган, занимающийся непосредственным управлением, не справляется с возложенными на него полномочиями или вступает в противоречие с другими органами государственной власти, также занимающимися вопросами непосредственного управления в своей сфере деятельности. Используя такие полномочия, глава государства ни в коем случае не должен подменять собой другие органы государственной власти, а также вторгаться в их повседневную (оперативную) деятельность. Образно его роль можно уподобить деятельности дирижера, который, не играя на конкретном музыкальном инструменте, добивается слаженности в исполнении мелодии всем оркестром.

Степень и полнота его верховенства зависят от особенностей правового статуса монарха, который зависит от формы правления. По этому основанию различают несколько разновидностей этого органа государственной власти: абсолютный и ограниченный монарх. В зависимости от степени ограничения конституцией компетенции монарха в ограниченной монархии выделяют дуалистическую и парламентарную формы.

Современная юридическая литература под влиянием демократических традиций прошлого и позапрошлого веков пытается преувеличить роль монарха в *абсолютных* и в некоторых дуалистических монархиях. Считается, что только при его непосредственном участии принимаются все государственные решения, осуществляется управление и вершится правосудие. Вместе с тем еще в XIX в. один из крупнейших русских государствоведов Н. М. Коркунов отмечал, что «не всегда власть монарха безгранична. В конституционной монархии он разделяет свою власть с народным собранием. Но будет ли монарх абсолютным или ограниченным властителем, он все-таки имеет право участвовать так или иначе во всех проявлениях государственной власти, что придает ему значение видимого главы и сосредоточения всей государственной деятельности».

При *парламентарной* монархии — второй разновидности ограниченной монархии — монарх замещает только пост главы государства (как об этом пишут в конституциях, является «символом единства» нации), а пост главы правительства занимает другое должностное лицо (премьер-министр), формально назначаемое монархом, как правило, по итогам парламентских выборов. Власть главы государства здесь формально ограничена как в законодательной, так и в исполнительной сферах.

Положения о верховенстве власти в парламентской монархии

Поскольку о верховенстве монарха в абсолютной монархии написано достаточно много, а в отношении верховенства его коллеги в парламентской монархии практически ничего не пишут, мы больше внимания уделим этой проблеме. Тем более что в юридической литературе сложилось устойчивое представление о том, что он при этой форме правления «царствует, но не правит», поскольку формально полномочия по управлению страной монарх может осуществлять только по совету своих министров.

В современной литературе принято считать, что самостоятельных действий он совершать не может, о чем свидетельствует институт **контрасигнатуры** (право второй подписи под указами монарха, означающее, что изданные им указы не имеют юридической силы, если не завизированы кем-то из членов правительства)¹².

Но с учетом того, что правительство имеет право самостоятельно принимать постановления и практически все указы главы государства издаются по инициативе правительства, дело обстоит не совсем так. Дело в том, что указы — акты, издаваемые от имени государства его высшим органом государственной власти — монархом, а постановления правительства — акты всего лишь исполнительной власти. Контрасигнатурой правительство свидетельствует свою готовность исполнить указ, имеющий общегосударственное значение и более высокую по сравнению с собственными его постановлениями юридическую силу. Более того, оно тем самым придает своей воле общегосударственное значение.

Как *верховный главнокомандующий* монарх имеет право осуществлять самостоятельно и единолично целый ряд полномочий. Важное значение имеют прерогативные полномочия монарха, осуществляемые им исключительно единолично. За ним остается внешнеполитическая сфера: ведение переговоров с лидерами зарубежных государств, подписание международных договоров, аккредитация послов иностранных государств, назначение послов своего государства в другие страны и т.д.; немаловажную роль он играет в качестве арбитра в политических конфликтах между законодательной и исполнительной ветвями власти, что дает ему право распустить парламент (нижнюю палату парламента) или отправить в отставку правительство (обычно в случаях принятия депутатами резолюции порицания правительству или выражения правительству недоверия).

Помимо указанных факторов на создание верховенства власти монарха при этой форме правления работает правовой обычай. Одним из них является, например, обычай хранить тайну аудиенции, о котором упоминает в своих монографических исследованиях известный современный британский конституционалист В. Богданор. Если, например, в Великобритании недавно назначенный на должность премьер-министр представил во время аудиенции правительственную программу монарху, находящемуся у власти более 50 лет, и не вправе разгласить, о чем шла речь во время аудиенции, кто и что предлагал, а кто и какие выдвигал контраргументы, то кто может однозначно утверждать, что в одобренном варианте текста программы будет только воля главы правительства?

¹² См., например: *Пак Сан Нам*. Президентская власть в современной России. М., 2001. С. 29.



Еще большее значение в обеспечении верховенства статуса монарха, более того — освящающего его и придающего ему сакральный смысл, является официальная религия в монархических государствах. Например, в Великобритании государственными признаются англиканская церковь Англии и пресвитерианская церковь Шотландии. Главой обеих церквей является британский монарх, который назначает высших церковных иерархов. В состав верхней палаты английского парламента по должности входят епископы и архиепископы англиканской церкви. Клерикальный характер шведского и датского государств проявляется в том, что их действующие конституции провозглашают господствующей в этих странах религией евангелическо-лютеранскую веру, главой государства (королем) может быть только представитель правящей династии, исповедующий указанную веру. Когда главой государства может быть только представитель правящей династии, исповедующий ту же религию, что и большинство его подданных, это даже на неформальном уровне многократно усиливает его возможности, объединяет со своим народом и освящает единством веры.

Даже в Японии, где у императора еще меньше полномочий, чем у монарха Великобритании, поскольку он лишен даже таких традиционных для главы государства прав, как право вето, влияние на формирование правительства, верховное главнокомандование вооруженными силами и по Конституции (ст. 1) — это только символ единства народа¹³, император сохраняет многие признаки верховенства.

Положения о верховенстве самодержавной государственной власти

В отличие от Конституции Российской Федерации, закрепляющей принцип разделения властей, в конституциях, закрепляющих организацию деятельности органов государственной власти на основе принципа единства власти, подобных проблем с определением места высшего органа государственной власти не возникает. Поскольку один из органов государственной власти они наделяют верховными властными полномочиями. При этом верховенство подобного органа государственной власти от формы правления напрямую не зависит.

В этой связи следует согласиться с известным ученым А. С. Алексеевым (в той части, где он пишет о верховенстве одного органа государственной власти, а не о верховенстве нескольких органов), который отмечал, что «верховная власть во

¹³ В 1946 г. бывший император Хирохито, правивший с 1926 г., официально отказался от своего божественного происхождения. Насколько символичен этот «символ» на практике, можно судить по обычаю, запрещающему даже высшим чиновникам проявлять инициативу в разговоре с императором (они отвечают только на его вопросы); по церемонии инаугурации: правительственной комиссии стоило больших трудов добиться от Управления императорского двора, чтобы на церемонии 1990 г. премьер-министр находился в том же зале, что и император, и произнес приветственную речь на самой церемонии. На аналогичной церемонии 1928 г. премьер-министр находился во время императорской речи вне церемониального зала, у подножия лестницы из 18 ступеней. Только после окончания речи он поднялся в зал, чтобы зачитать поздравительный адрес. См.: Кузнецов Ю. Институт тэнно в современной Японии // Знакомьтесь — Япония. 2000. № 28. С. 70—71.

всех государствах одинакова, **везде она является неограниченной**, но не во всех государствах она одинаково организована. В одних государствах **верховными органами государственной власти являются коллегии**, как в республиках, в других — **отдельное лицо**, как в монархиях; в одних носителем верховной власти является **один только орган, в других — несколько**. Власть государственная в конституционной монархии так же неограниченна, как и в монархии абсолютной, но в ней нет органа, который обладал бы всей полнотой верховной власти, который бы пользовался неограниченной властью. Так, законодательная власть так же неограниченна в конституционной монархии, как и в монархии абсолютной: она обладает неограниченной компетенцией и может регулировать любые общественные отношения в любом направлении; она находит предел своей деятельности лишь в нормах, ею самой установленных и могущих поэтому быть видоизмененными ею же во всякое время. Но эта **неограниченная законодательная власть не принадлежит ни королю, ни народному представительству**, а лишь тому и другому вместе; ни один закон не может получить своего совершения без утверждения короля, а король не может утвердить ни одного закона, который не был заранее обсужден и принят народным представительством»¹⁴.

В частности, в ст. 4 Основных государственных законов в редакции от 23 апреля 1906 г. было установлено: «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает»¹⁵.

Анализируя это конституционное положение, один из крупнейших юристов Российской империи П. Е. Казанский в книге, не имеющей по широте охвата содержащегося в ней материала и глубине его юридического анализа аналогов в русской литературе, на основании ст. 4 Основных законов различал верховную и управленческую власть, осуществляемую государем императором¹⁶.

Из этого следует, что дореволюционная наука государственного права не ставила знак равенства между самодержавием и абсолютизмом. Например, широко известно, что при Иване Грозном (и после него — вплоть до Петра I, превратившего самодержавие в абсолютизм) заседала Боярская дума, созывались земские соборы¹⁷ для решения важнейших государственных дел и принятия основополагающих законодательных актов. Только при Иване IV созывалось несколько земских соборов. В 1549 г. он созвал самый первый собор («Собор примирения», на котором рассматривалась проблема отмены кормлений и злоупотреблений чиновников на местах), а также был принят Судебник 1550 г. — сборник законов периода сословной монархии в России, первый в русской истории нормативный правовой акт, провозглашенный единственным источником права. Впоследствии такие соборы стали называться земскими; слово «земский» могло обозначать «общегосударственный» (то есть дело «всей земли»). Самый ранний собор,

¹⁴ Алексеев А. С. Русское государственное право. М., 1892. С. 174.

¹⁵ Российское законодательство X—XX веков. С. 44.

¹⁶ Казанский П. Е. Указ. соч. С. 225.

¹⁷ Высшее сословно-представительское учреждение государства с середины XVI до конца XVII в., собрание представителей всех слоев населения (кроме крепостных крестьян) для обсуждения политических, экономических и административных вопросов.



о деятельности которого свидетельствует дошедшая до нас Приговорная грамота (с подписями и перечнем участников думного собора) и известия в летописи, состоялся в 1566 г., на нем главным был вопрос о продолжении или прекращении кровопролитной Ливонской войны. Судьбе политического устройства страны был посвящен Земский собор 1565 г., когда Иван IV уехал в Александрову слободу.

Следовательно, ни Боярская дума, ни земские соборы нисколько не мешали ему чувствовать себя на престоле самодержавным царем (а скорее — помогали в борьбе с отдельными строптивыми боярами) и указывать на это в своей переписке как с иностранными монархами, так и с бывшим своим подданным А. Курбским¹⁸. Хотя Иван IV вел борьбу с отдельными вполне конкретными нарушителями закона, он не упразднял самих институтов публичной власти: Боярскую думу, земский собор, главу церкви — митрополита. Это позволяло ему, с одной стороны, быть самодержавным монархом с верховными полномочиями, а с другой — не нарушать основы государственной власти.

Самодержавие, в отличие от абсолютизма, базируется на принципиально иных духовных, нравственных и правовых основах. Поэтому Иван IV относился к власти царя как богоустановленной (а не поддерживаемой дворянами, как при Петре I). «У него, конечно, не было и мысли видеть в Земском соборе представительство власти народа как верховного вершителя дел. Верховной властью была его царская власть, и все права ее вытекали из ее обязанностей, миссии, свыше возложенной; права его были ограничены не правами его подданных, а их обязанностями по отношению к Богу. Где верховная власть требует неповиновения Богу, там кончается повиновение ей, ибо она выходит тогда из своей компетенции. Но подданные обязаны содействовать царю в устройстве государственных дел, когда он призывает их, и решать их, когда он им приказывает это; само право на это определяется их обязанностью содействия царю»¹⁹.

«Верховная власть до тех только пор может быть на деле и властью, и верховной, пока она органически связана с народом, во главе которого стоит, пока она национальна»²⁰. Следовательно, о верховенстве самодержавной власти можно говорить тогда, когда она «консолидирует», «воплощает» волю большинства и своим авторитетом санкционирует ее реализацию.

Подобное отношение к верховной государственной власти высказывали, например, Екатерина II и Александр II. В частности, Екатерина II в разговоре со своим внуком (будущим Александром I) отмечала: «Когда я наперед уверена в общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие видеть то, что ты называешь слепым повиновением; и вот основание власти неограниченной»²¹.

Кроме того, верховным органам принадлежит *высший надзор* за деятельностью подчиненных органов, имеющий целью обеспечить согласованность правительственной деятельности с юридическими нормами и политическими директивами,

¹⁸ См.: Иван Грозный. Государь / сост. и примеч. В. Г. Манягина. М.: Инст-т русской цивилизации, 2010. С. 67—70, 81, 108—113, 136—139, 176—204.

¹⁹ *Зызыкин М.* Предисловие // Иван Грозный. Государь. С. 46.

²⁰ *Казанский П. Е.* Указ. соч. С. 22. См. также: *Катков М. Н.* Империя и крамола. М.: ФонДИВ, 2007. С. 90, 247, 284, 408.

²¹ Цит. по: *Казанский П. Е.* Указ. соч. С. 81—82.

установленными верховными органами. Из этого вытекает еще один признак верховной власти — *верховное нормотворчество*, т.е. право принимать нормативные правовые акты, обладающие высшей юридической силой и обязательные для исполнения всеми, в т.ч. и верховной властью. Верховная власть самодержца среди других властей выступает «как *единственная универсальная*, сохраняющая в себе все функции (законодательную, судебную, исполнительную)»²². Кроме того, она есть *источник всякого права*: никакое изменение в общем правовом строе государства не может произойти без согласия верховной власти²³.

Таким образом, власть монарха, ее верховенство базируется не только на положениях конституции. Даже не столько на положениях конституции, сколько на вековых национальных, исторических и других устоях, освященных верованиями народа, создающего свою государственность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Иван Грозный. Государь / сост. и примеч. В. Г. Манягина. — М. : Инст-т русской цивилизации, 2010.
2. Ильин И. А. О монархии и республике. — Нью-Йорк : Содружество, 1979.
3. Казанский П. Е. Власть всероссийского императора. — М., 1999.
4. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник для вузов. Общая часть. 4-е изд. / рук. авт. колл. и отв. ред. Б. А. Страшун. — М. : Норма, 2008.
5. Кутафин О. Е. Глава государства. — М. : Проспект, 2012.
6. Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. — М. : ОГИ, 1999. — Т. 4.
7. Мишин А. А. Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. — М., 1976.
8. Осавелюк А. М. Конституционное право зарубежных стран : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юнити-Дана, 2012.
9. Осавелюк А. М., Осавелюк Е. А. Президент в конституционном механизме власти в Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. — 2013. — № 2.
10. Осавелюк А. М., Осавелюк Е. А. Об особенностях правового статуса Президента России // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 11. — С. 54—58.
11. Осавелюк А. М., Осавелюк Е. А. Верховенство органов государственной власти: понятие и формы (на примере России) // Европейское измерение — 2015 : сб. научных трудов / под общ. ред. С. Н. Бабурина и З. А. Станкевича. — М. : Книжный мир, Европейский институт JUSTO, 2016. — С. 361—381.
12. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. — М. : Облиздат-Алир, 1998.

²² Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 214.

²³ Подробнее о признаках верховной власти см.: Казанский П. Е. Указ. соч. С. 221—246.

